

А. Д. Дуличенко: **Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV-XX вв.)**. Вступительная статья, тексты, комментарии. Издательство В. Падяка, Ужгород, 2008, 908 с.

Настоящее издание, подготовленное на кафедре славистики Тартуского университета в Эстонии и изданное в ужгородском издательстве Валерия Падяка при финансовой поддержке фонда Стивена Чепы, несомненно, из разряда экстраординарных событий в современном карпатоведении. Предпринята беспрецедентная и весьма успешная, на наш взгляд, попытка в рамках одного книжного тома представить образцы текстов, которые иллюстрируют практически *всю* богатую и противоречивую историю письменности исторической Карпатской Руси с самого начала ее существования, т. е. в течение последнего полутысячелетия.

Во введении к фундаментальному изданию «Взгляд на письменность и литературные языки Карпатской Руси сквозь века (вместо предисловия)» его автор ссылается на мнение выдающегося лингвиста и слависта нашего времени Никиты Ильича Толстого, который «очень метко определил Карпатскую Русь как своеобразную и уникальную в славянском мире лабораторию опытов по созданию и применению литературных языков по отношению к одному и тому же этническому ареалу», при этом «нередко сетовал на то, что в течение второй половины XX столетия украинистика практически не занималась серьезно исследованием литературно-языковой ситуации Карпатской Руси (гесп. Подкарпатской Руси), за исключением некоторых публикаций, выходивших в Чехословакии...». Исправить существующее положение вещей в данной отрасли славистики взялся один из наиболее успешных современных ученых-славистов Александр Дмитриевич Дуличенко. Настоящим изданием ученик академика Н. И. Толстого, которому и посвящается рецензируемое издание, выполнил духовное завещание своего учителя, который «неоднократно и настоятельно» советовал ученому «заняться литературно-языковыми аспектами Карпатской Руси». А. Д. Дуличенко начинал свой путь в славистике с исследования языка войводинских (бачванских) русин в кандидатской диссертации («Литературный русинский язык Югославии (очерк фонетики и морфологии)» Москва, 1974). Ныне он – ординарный профессор славянской филологии Тартуского университета, известный специалист в области общего и славянского языкознания. В науке известен фундаментальными работами в различных направлениях. В славистике, в частности, как автор теории славянских литературных микроязыков (наряду с карпаторусинским описал на сегодняшний день 18 таких языков).¹ Редактор научных серий по интерлингвистике – «*Interlinguistica Tartuensis*» и по славистике – «*Slavica Tartuensia*». Действительный член ряда зарубежных научных академий, лауреат международной научной премии им. Александра Гумбольдта (2005).

По мнению А. Д. Дуличенко, в языковой истории Европы есть немало типологически сходного, в частности, в сфере взаимоотношений между этническим языком и его частью – литературным языком. При этом, отмечает ученый, «На региональные литературно-языковые проявления у общества вырабатывается негативное отношение». Однако после полной «победы» литературного языка выясняется, что зачастую разница между ним и маргинальными диалектными формами весьма значительна, что, в свою очередь, приводит к так называемой «языковой усталости» у носителей диалектов,

¹ Одна из последних публикаций ученого по данной проблематике, см.: Дуличенко А.Д.: *Современная этноязыковая Микрославия: состояние и перспективы развития*. In: Плішкова Анна (ед.): Русинський язык меджі двома конгресами. Збірник рефератів з III. Меджінародного конгресу русинського языка, Краків, 13.– 16. 9. 2007. Пряшів, 2008, с. 38-48.

которые «вынуждены уступать «ничейному» стандарту и каждый раз переключаться и напрягаться». Такими же факторами, которые способствуют возникновению региональных языковых норм, выступают, по мнению составителя научной хрестоматии, «ностальгия по языку своих предков», «боязнь окончательного исчезновения ...древней языковой формы», «попытки возродить старую локальную литературную традицию». Чем быстрее идут процессы языковой унификации, как части более универсальных процессов в обществе, например, современной глобализации многих сфер общества, тем активнее проявляются региональные «протесты» в том числе и на языковом уровне. В истории Закарпатья было немало периодов, когда в общественной жизни местного славянского населения доминировали тот или иной языковой стандарт восточных соседей (русский или украинский литературный язык), однако во все времена внутри обоих языковых лагерей шла борьба за сохранение местных особенностей, или же и вовсе появлялась третья сила, ратующая за особый и независимый статус литературного языка, ср., например, прокламацию ужгородской газеты «Недѣля», первый номер которой вышел 6 октября 1935 года: «Мы чествуем пересвѣдченье каждого чоловіка. Мы высоко цѣниме культурну силу так великорусского як и украинского народа, мы в почести держиме их справедливиѣ націоналнѣ цѣли и стремленья, але при том не хочеме забыти о своем» (из текста передовицы, представленной в рецензируемом издании на с. 465).

Подобные процессы характерны для многих европейских культур XX века, ср., например: «Расцвет диалектной литературы еще с 60-х гг. XX в. стала переживать Италия; большая традиция в этом плане на нижненемецком диалекте в Германии; почти официализирован статус так наз. *schwizertütsch* и *luxemburgisch* и под.», славянские региональные (ср. чакавский и кайкавский для хорватского, ляшский для чешского и польского и т. п.; островные литературные микроязыки – югославо-русинский в Сербии и Хорватии, молизско-славянский в Италии и т. д. «...Таким образом, – подытоживает тартуский ученый, – если в XIX в. да и в XX вв. социолингвистическая модель мыслилась в виде одного общего литературного языка для всего этноса, то ныне мы наблюдаем усложнение этой модели для многих этнических сред за счет региональных и островных литературных языков, которые, естественно, не могут конкурировать с общими литературными языками, но своим функционированием обогащают культурно-языковую жизнь этноса» (с. 13).

Отдельно во вступительной статье книги рассматриваются вопросы исторической периодизации – «Карпаторусинская письменность в историческом аспекте и возможности ее периодизации» (с. 13-16) и современного состояния языковых процессов в регионе – «Карпаторусинское культурное и этноязыковое возрождение конца 80-х–90-х гг. XX в.» (17-19) и «Нормирование и кодификация карпаторусинских вариантов литературного языка в конце XX – начале XXI вв.» (19-22). Отметим, что на сегодняшний день кодифицированы уже три варианта карпаторусинских литературных языков: южнославянско-русинский в Сербии и Хорватии (1923 г.), русинский в Словакии (1995) и лемковский (русинский) в Польше (2000). Сложнее этот процесс идет в Венгрии, где русинское движение ограничено демографически (по данным последней переписи населения, в стране проживает чуть более 1000 представителей данного этноса) и в Украине, где подобное развитие ограничено неразвитостью гражданского общества, с одной стороны, и нежеланием государства участвовать в развитии культурной жизни русин, с другой стороны. До сих пор в стране не решен статус лиц, считающих себя отдельным этносом (по данным переписи населения 2001 года – более 10 000 человек). Радует уже то, что решение проблемы, хотя и носит вялотекущий характер, но не замалчивается; более того, в последнее время в дискуссиях по «русинскому вопросу» все

больше украинцев ратует за элементарное право граждан на этническую самоидентификацию (ср. материалы киевского ежемесячника «Критика» 2007/08 гг.)...

Несмотря на множество попыток представить образцы местной письменности, начиная с «Христоматии» Евмения Сабова 1893 года, по мнению автора, «систематическая история карпаторусской письменности и литературных языков до сих пор не написана, а представленные образцы текстов... страдают неточностью, произвольными «правками» и изменением графики, неполнотой и т.д.» (раздел введения «О христоматиях письменности и литературных языков Карпатской Руси» (22-24). При всей категоричности и строгости последнего суждения, нельзя не согласиться с мнением ученого-лингвиста. Вольности при передаче текстов в подобных изданиях, их «адаптация» к тем или иным временным представлениям о «правильности», чем прежде всего грешат издания советского времени, не допустимы в научной практике. Рецензируемая работа А.Д. Дуличенко в наибольшей мере соответствует жанру исторической христоматии, ибо тексты последней с максимальной точностью отражают особенности оригинальных текстов различных периодов. При этом следует заметить, что сделать подобное издание «полным» едва ли представляется возможным. Специалисты в каждом из исторических периодов, наверняка, укажут на «неполноту» иллюстрации языковых особенностей, исследуемых ими временных периодов, возможно, усомнятся в степени типичности того или иного текста для данного периода. Идеальной христоматией была бы та, в которой фиксировались бы, во-первых, *все* тексты, написанные в регионе за последнее полутысячелетие, во-вторых, факсимильным способом, что, безусловно, неосуществимо в принципе, да и не нужно, добавим. Задача составителя подобной христоматии заключается в том, чтобы при минимуме средств (текстов) максимально точно представить все их богатство и особенности функционирования на том или ином временном срезе. Успех подобного труда во многом зависит от наличия научных христоматий более узких временных рамок. Однако, увы, подобных изданий в деле изучения письменности и литературных языков в регионе весьма и весьма не хватает. Тем большей благодарности заслуживает составитель рецензируемого издания, который, безусловно, хорошо понимая все сложности подобной работы, тем более находясь вдали от исследуемой языковой территории, не побоялся риска первопроходца в столь сложном начинании, довел до логического завершения труд многих лет. При этом ученому пришлось выполнить огромный объем работы – систематизировать, прокомментировать и просто перепечатать огромное множество богатых и разнообразных языковых материалов.

Материал христоматии представлен ее составителем в составе девяти блоков:

1. XV век (грамота 1404 года); 2. XVI-XVIII века; 3. XIX век; 4. Конец XIX – начало XX вв. (до 1918/1919 гг.); 5. XX век (1920-1930/1940 гг. так наз. «чехословацкий период»); 6. XX век (20-30 гг.: «лемковско-русинский» период в Польше); 7. XX век (1940/1941-1944 гг.: «венгерский период»); 8. XX век: карпаторусинская письменность Америки; 9. XX век (конец 80-х – 90-е гг.: современная (карпато)русинская письменность и варианты литературного языка в разных странах).

Внутри каждого блока материалы распределяются по различным рубрикам, ср., например: «религиозные тексты», «светская письменность», «из научных текстов», «учебные тексты», «газетные тексты», «из художественной литературы» и т. п., что дает возможность составителю христоматии продемонстрировать функциональное и жанровое разно- и своеобразие текстов различных временных периодов.

Естественно, подобная классификация носит несколько условный характер, ибо не может передать всей сложности тех же «пограничных» явлений на стыке выделенных временных рамок. Например, «венгерский период» (7 блок – XX век (1940/1941-1944

гг.) в Ужгороде и Мукачеве начинается в ноябре 1938 года, а на остальной части нынешнего украинского Закарпатья с марта 1939 года, хотя Пряшевская Русь и далее оставалась в «чехословацком периоде». В целом этот совсем небольшой временной отрезок в истории края был чрезвычайно насыщен крутыми переменами в области языковой политики и языкового строительства. Весьма важным в этом отношении был 1939 год, когда венгерским правительством русинский язык был провозглашен государственным на территории нынешнего Закарпатья, а представители трех основных языковых лагерей (русофильского, украинофильского и русинофильского) предпринимали отчаянные попытки отстоять свою версию решения языковых проблем. В это время выходили в Ужгороде русофильские газеты «Карпаторусский Голос», «Русская Правда», русинская «Нова Недѣля», официальный двуязычный орган «Kárpátaljai Köz-löny – Подкарпатский Вѣстник», с января 1940 года газета учителей «Народна Школа» (печаталась русским языком до 1941 года, после чего перешла на язык грамматики И. Гарайды). Органами местного самоуправления летом 1939 года была предпринята попытка кодифицировать русинский литературный язык на базе местного варианта великорусского языка (Грамматика... коллектива авторов под руководством о. Юлия Марины²), была издана целая серия школьных учебников на этом языке, в составе местной администрации был учрежден специальный переводческий отдел. Однако эта попытка не увенчалась успехом, поскольку подверглась критике с позиций ортодоксальных русофилов (лидер их большей части Георгий Геровский в это время издал свой вариант грамматики³, нормы которой были близки к русскому языку), которые не принимали столь резкий уклон в сторону местных языковых особенностей. С другой стороны, не воспринимали русских языковых элементов представители собственно русинской языковой традиции (авторы и редакторы газеты Мукачевской грекокатолической епархии «Недѣля» (1935-38), «Нова Недѣля» с января 1939 года), которые к тому же были поддержаны государственными органами. В конечном итоге уже весной 1941 года, после издания грамматики Ивана Гарайды⁴, был вторично кодифицирован русинский литературный язык, в котором великорусские элементы были вытеснены украинскими. Последнее обстоятельство позволило к тому же привлечь к творческой деятельности местных украинофилов, которые оставались не у дел после запрещения украинского языка в крае (после открытого военного противостояния с сечевиками под Хустом 15 марта 1939 года венгерские власти предприняли ряд репрессивных мер по отношению к представителям украинофильского лагеря). Многие из них активно сотрудничали с редакциями периодики Подкарпатского Общества Наук (научный журнал «Зоря-Најнал», «Литературна Недѣля» и «Руська Молодежь». В украинофильской среде также произошли знаковые перемены в области языкового строительства в самом начале того же 1939 года. В Хусте вышел номер журнала «Благовѣстник», который впервые на территории края фактически был написан украинским языком (до этого украинофилы пользовались традиционным языком, в котором отражались особенности народных говоров края). Ср., язык прокламации «Заклик до ідейних душ», которая была

² *Грамматика угрорусского языка для средних учебных заведений*. Издание Регентского Комиссарского Управления в Унгварѣ. Унгварь, 1940. – 114 с.

³ Геровский Г.: *Русская грамматика для народных школ. Часть I. Для второго года обучения*. Унгварь–Ужгородь: Школьная помощь, 1939. – VI+72 с.

⁴ Гарайда Иван: *Грамматика руського языка*. Выдана Подкарпатского Общества Наук. Унгварь: Книгопечатня Юлія Фельдешія, 1941. – 143 с.

напечатана на внутренней странице обложки ежемесячника: «Одинокою релігійною газетою в Карпатській Україні є «Благовістник», що саме виходить перший раз фонетикою. Сю газету треба тепер якнайбільше поширити між народом, щоб так паралізувати згубні впливи всяких релігійних агітаторів, що розбиваючи наш народ релігійно, шкодять і національній його консолідації. Тому шукаємо й кличемо ідейні душі до апостолської співпраці з нами...»...

К сожалению, все эти весьма значительные перемены в языковой сфере края на протяжении чуть более двух лет, которые очень ярко иллюстрируют ожесточенную языковую борьбу предшественников трех направлений на протяжении без малого двух десятилетий так называемого «чехословацкого периода», почти не представлены в рецензируемом издании. Не представлены образцы текстов большинства периодических изданий того периода.

В столь объемном издании не обошлось, к сожалению, и без мелких погрешностей в виде опечаток и других погрешностей, природу которых, по-видимому, определил компьютерный перевод печатных ксерокопий в электронную версию, сбои в котором вызваны некачественным состоянием копий. Отсюда, в частности, опечатки на сс. 465-466 и т. п. При подготовке к новому изданию следует исправить и некоторые неточности в описании «Букваря...» Иоанна Кутки (в библиографии на с. 847 рецензируемой книги представлены описания изданий 1797, 1799 и 1846 гг.). Букварь, хотя и издавался почти стереотипно (нам известны еще два его издания – 1815 и 1816 гг.), однако титульные его страницы несколько отличаются. В издании 1797 года, например, напечатано, видимо, под сербским влиянием, «въ Будимѣ», в титуле третьего издания следует исправить графическую «абракадабру» на месте латинского фрагмента «Ruthen. Bukwar».

При всей неприятности подобных мелких погрешностей, следует однако подчеркнуть, что не они определяют достоинства фундаментального издания, подготовленного на кафедре славистики Тартуского университета. Составитель научной хрестоматии Александр Дмитриевич Дуличенко во вступительной статье к изданию с сожалением констатировал, что до сих пор не существует полного научного исследования истории языковых процессов в Карпатском регионе. Добавим, что после выхода в свет настоящей научной хрестоматии, сделан огромный шаг в развитии этого фрагмента карпатоведения. Представленные в рецензируемом томе богатые языковые материалы, с одной стороны, лишь подчеркивают всю сложность подобного исследования, однако, с другой стороны, в целом подчеркивают не только основной круг теоретических и практических задач перед будущими исследователями, но, что весьма важно, служат исходным материалом для подобного труда в будущем.

Михаил Капраль